

УДК 327

А.А. Ирхин, канд. полит. наук,*Севастопольский национальный технический университет**ул. Университетская, 33, г. Севастополь, Украина, 99053**E-mail: root@sevgtu.sebastopol.ua***КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ БЛОК ЕВРАЗИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕАЛЬНОСТИ**

Раскрываются перспективы и реальности создания континентального блока в Евразии путем заключения, прежде всего, военно-политических соглашений между Германией, Россией и Японией. Анализируются некоторые ответы других центров геополитической мощи.

Современные геополитические трансформации, вызванные двумя противоречивыми процессами, которые связаны, с углублением региональной интеграции в Европе, Латинской Америке и Юго-Восточной Азии, и дезинтеграцией СССР, продолжением «дробления» Балканского полуострова, а потенциально и постсоветского пространства, заставляют искать более фундаментальные механизмы понимания ситуации в отношении дальнейших пространственных преобразований мира.

В основе анализа данной статьи были положены труды немца К. Хаусхофера, воспоминания советского дипломата В. Молотова и японского Кукудзиро Исии, которые позволяют рассмотреть возможность формирования Евразийского блока с трех сторон, и тем самым, обозначить прошлые и настоящие проблемы, а также перспективы создания такого альянса.

Первыми, кто увидел угрозу данного континентального блока для англосаксонского мирового господства, были авторитетные англичане и американцы, в то время как немцы, россияне и японцы были далеки от реализации континентальных планов даже на теоретическом уровне.

Один из преуспевающих и могущественных империалистических политиков, лорд Пальмерстон, в момент кризиса кабинета, приведшего к его отставке, первым возразил премьер-министру Джонсу Расселу: как ни неприятны были бы теперь отношения с Францией, мы должны их поддерживать, ибо на заднем плане угрожает Россия, которая может связать Европу и Восточную Азию, а одни мы не можем этому противостоять. Эти слова были сказаны в 1851 г., когда викторианская Англия переживала блестящий расцвет, когда Соединенные Штаты, преодолев основательный внутренний кризис, впервые вычеканили жесткую формулу – «политики анаконды» [1, с. 376].

Геополитический алгоритм по удушению континентального пространства, часто ассоциируется у исследователей с гигантской змеей. Если представить себе оказавшееся перед такой угрозой пространство Евразии, то становится ясно, какой мощью должен обладать субъект «политики анаконды» и каким совокупным могуществом его соперник, чтобы заблокировать удушающий алгоритм. Таким образом, сам механизм включает такие меры как изоляция и блокада, контроль над морскими торговыми путями и наиболее оптимальными с экономической точки зрения портовыми стоянками.

Попытки создания данного геополитического союза, способного противостоять англосаксонской политике, начинаются в начале XX века. Первые инициативы в этом направлении принадлежали японской стороне. Так, японский князь Ито в августе 1901 года совершил кругосветное турне, посетив США и Европу с заездом в Петербург, где он планировал обсудить с Николаем II условия российско-японского соглашения.

Его инициативы были безуспешными по двум причинам.

Во-первых, его соотечественники, принадлежавшие к антироссийскому направлению внешней политики Японии, изменили в его отсутствие шифровальный ключ (код), и он не мог получать новости и инструкции с родины.

Во-вторых, интересным является тот факт, что один из высокопоставленных японских дипломатов того, времени, Кукудзиро Исии с явно проанглийскими взглядами не упоминает о факте изменения дипломатического ключа. А неудачу с заключением российско-японского соглашения он объясняет следующими обстоятельствами. В тот период в Японии политическая элита разделилась на сторонников союза с Англией, переговоры с которой шли около полугода, до момента политического турне Ито, что привело к разработке согласованного варианта военно-политического договора, включавшего разделение сфер влияния на Дальнем Востоке, разработанного английской стороной, который полностью устраивал японцев. Пророссийская часть японской элиты, хотя была более влиятельной, но ее действия были менее активными и, следовательно, продуктивными. Так, к примеру, если англо-японские переговоры проходили на официальном уровне, то поездка князя Ито в Петербург носили неофициальный, и скорее, зондирующий характер. В итоге император Мейдзи принял решение в пользу союза с Англией.

В России сторонником создания континентальной оси являлся авторитетный политический деятель С.Ю. Витте. Во время первой мировой войны он ратовал за сепаратный мир с Германией, однако затем, в 1915 г., при загадочных обстоятельствах ушел из жизни.

Немецкий исследователь К. Хаусхофер так описывал ситуацию в какой напряженной обстановки проходило обсуждение континентальных идей – «...Надо было переломить в себе многое, желая

сблизить политические интересы японцев и русских в поисках благоразумного пограничного урегулирования и через него обеспечить свободный тыл на других направлениях политической деятельности. Тот, кто участвовал в этой игре, должен был смириться с обстановкой: ночами напролет находиться в помещениях, усеянных окурками сигарет и залитых чаем, вести изощренные дискуссии в духе древних каверз, которыми изобиловала каждая такая беседа. Казалось, еще два-три часа дискуссии – и суть дела будет ясна, но диалектика снова брала верх, и снова три часа подряд противник, прибегая к тому же способу обсуждения, утомлял и усыплял».

В континентальном блоке Германия – Россия – Япония было заложено четкое разделение обязанностей, согласно имеющейся ресурсной базе. Германия располагала внушительными силами военно-морского флота, но который был способен проводить активные операции в ограниченном пространстве и мощной сухопутной армией. Россия располагала внушительными сухопутными силами, однако, относительно слабым флотом. Наиболее мощная морская составляющая была у японцев. Однако основной идеей, позволяющей соединить свои континентальные ресурсы, было заложено в контроле над тремя морями евразийского континента – Балтийским, Средиземным и Японским. Такая геостратегическая комбинация позволяет немцам достигнуть исключительного контроля над Балтийским морем, русским получить подтверждение своих исторических притязаний на Босфор и Дарданеллы, а Японии, как островной империи, объективно запирающей Россию на Дальнем Востоке переориентироваться с позиций «сдерживания» континентальных сил Евразии, на путь заключения договора о сферах влияния и военной взаимопомощи с Россией, и, используя свою морскую мощь, обеспечить интересы участников континентального блока в Юго-Восточной Азии.

Однако в японской *геополитической традиции прослеживается* два уязвимых места в естественной линии обороны Японии. Эти факторы являются системоформирующими для стратегического видения японской политической элиты.

Во-первых, это угроза, исходящая из северного направления. На протяжении нескольких тысячелетий территории японских островов разоряли жители «северных территорий» – айну (тихоокеанское побережье Сибири и о. Сахалина).

Во-вторых, это вызов безопасности исходящий с юго-западного направления (современная территория Кореи) [2, с. 9].

Поэтому инстинктивно японцы постоянно стремятся перенести границы дальше вглубь Евразии и контролировать территорию Кореи.

В российско-германских отношениях существуют тождественные *долговременные комплексы безопасности*, связанных с формированием и продвижением буферных зон для Германии на Восток, а для России, соответственно, на Запад.

Исходя из теоретической посылки создания континентальной оси Германия – Россия – Япония субъектам союза необходимо было преодолеть внутренние противоречия, связанные, прежде всего, с долговременными комплексами собственной безопасности. Однако, какие либо продвижения в этом вопросе заканчивались столкновениями и войнами. Первая попытка заключения союза между Россией и Японией была предпринята в 1901 году, которая закончилась заключением англо-японского соглашения и последовавшей русско-японской войной 1904 года.

В 1939 году был заключен пакт «Молотова-Риббентропа», который предполагал раздел сфер влияния в Европе. В 1940 году состоялся визит Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова в Берлин. В ходе переговоров с германским рейхсканцлером А. Гитлером и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом в Берлине 12-13 ноября 1940 года обсуждались вопросы раздела британского наследства. В тот момент государства стояли как никогда близко к модели формирования «Континентального блока», однако Германия и Россия не смогли детализировать общие планы и намерения, которые принадлежали, в основном, немецкой стороне. Менее чем через год началась самая кровопролитная война XX века.

Если исходить из тезиса геополитического дуализма о перманентном противостоянии Суши и Моря, то любое противостояние внутри континентального блока заведомо проигрышно для участников конфликта, так как эти процессы только ослабляют континент перед морскими державами. Исходя из этого вывода следует, что российско-немецкое или японо-российское столкновение, при любом исходе конфликта, являются проигрышным геополитическим сценарием, так как потенциально отодвигают формирование континентальной оси и, тем самым, усиливают морские державы. Следовательно, Вторая мировая война в европейской части Евразии в геополитическом контексте континентального блока была целесообразной в короткий период с сентября 1939 по июнь 1941 года, затем при любом варианте развития событий была бесперспективным в геополитическом плане событием. Однако события в Восточной Азии в 1939 году и проба взаимных сил между Японией и СССР уже противоречило логике межгосударственного союза, и, следовательно, созданию континентального блока. Последовавшее поражение СССР в «холодной войне» в условиях «континентального удушения его пространства» было лишь вопросом времени. Были, конечно, варианты, которые могли разорвать «кольцо анаконды», но они

требовали от советской постсталинской элиты мобилизации и решительных действий, на которые она была не способна. Так, по мнению российского исследователя В.Л. Петрова: «... Сохранение статус-кво, сложившегося после Второй мировой войны, было наступательной позицией для англосаксов так, как, по прогнозам атлантических геополитиков, такая ситуация неминуемо должна была привести к истощению континентального евразийского пространства, вынужденного одновременно развивать все стратегические направления. СССР имел только два выхода. **Первый** – осуществить экспансию на Запад с целью завоевания Европы до Атлантики с параллельным выходом к теплым морям и экспансией на юг. **Второй**, менее радикальный, состоял в том, чтобы в обмен на вывод своих вооруженных сил из Европы потребовать тождественных действий со стороны США и создать, таким образом, нейтральный единый европейский блок. Этот вариант серьезно обсуждался в эпоху генерала Де Голля» [3, с. 22].

Современные политические тенденции в международных отношениях свидетельствуют о дальнейшей реализации США и Великобританией механизма по блокаде континентального пространства: дробление пространства между Германией и Россией, созданию предпосылок по выведению из активной геополитической игры Японии. Кроме того, на протяжении периода «холодной войны» Соединенные Штаты разработали и реализовывали, по сути, механизм двойного сдерживания, наряду с СССР, существовала необходимость сдерживания Германии и Японии, то есть блокировать развитие основных геополитических конкурентов, не давая им возможности соединить свои ресурсы [4].

Однако существуют и ответные меры континентальных пространственных масс, хотя явно недостаточные, ярким и почти единственным примером является российско-германское соглашение по строительству Северного газопровода, который соединит интересы двух держав в ущерб лимитрофному (промежуточному геополитическому) пространству.

Если геополитические соперники континентальной оси первыми видят угрозу, исходящую от суши, то, принимая во внимание исторические факты цикла, которые проходят государства: намерения – концепции – переговоры – столкновения – войны, можно предположить существования, наряду с внутренними противоречиями, связанными с комплексами безопасности между субъектами предполагаемой оси, внешнее влияние, которое способствует развитию негативной фазы приведенного цикла.

Возможно у континентальной элиты в силу тех же комплексов безопасности, связанных с сухопутной границей отсутствует широкое восприятие пространства, то чем по природе своей обладает англосаксонская элита. Иными словами для того, чтобы обеспечить безопасность отдельных частей Евразийского пространства, его субъекты разрешали проблемы со своими соседями, используя в том числе, ресурсы Великобритании и США, что и приводило чаще к внутреннему столкновению на континенте. Для морских же держав обеспечение безопасности состоит в занятии баз-плацдармов, позволяющих контролировать экономические, военные и политические ресурсы континентальных масс с параллельным созданием выгодной системы союзов на континенте. Кроме того, как отмечает Альфред Тайер Мэхэн: «... Морская стратегия является более масштабной и отличается от сухопутной тем, что она так же необходима в мирное, как и в военное. В мирное время она может одержать самые решительные свои победы занятием в стране, покупкою или договором, превосходных позиций, приобретение которых войною было бы, может быть, трудно достижимо. Она учит пользоваться всеми случайностями для утверждения на каком-либо избранном береговом пункте и способствовать обращению в постоянную такой оккупации, которая сначала была лишь временной. Морская стратегия имеет свою целью основывать, поддерживать и увеличивать, как во время мира, так и во время войны, морское могущество страны...» [5, с. 21]. Этими естественными преимуществами в Евразийском континентальном блоке обладала бы Япония. Таким образом, то, что для англосаксов на протяжении нескольких столетий является задачей первого уровня, является вторичной для элит Германии, России и Японии. Выигрывая в «континентальных конфликтах» на региональном уровне за счет своего возможного контрагента в целом идет системный проигрыш в глобальном разделении силы и ответственности.

Преодолев внутренние противоречия, без привлечения ресурса других центров силы и нивелировав негативное внешнее влияние, элиты континентального блока могут разыграть комбинацию на разрыв кольца англосаксонской «анаконды».

Библиографический список

1. Хаусхофер К. О геополитике: Работы разных лет / К. Хаусхофер. — М., 2001. — С. 371–418.
2. Кукудзиро И. Дипломатические комментарии / И. Кукудзиро. — М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1942. — 236 с.
3. Петров В.Л. Геополитика России (возрождение или гибель?) / В.Л. Петров. — М.: Вече, 2003. — 464 с.
4. Юрченко С.В. Геостратегия США в процессе становления глобальной державы: дис... д-ра полит. наук: 23.00.04. / С.В. Юрченко. — К., 2001. — 430 с.
5. Мэхэн А.Т. Влияние морской силы на историю, 1660–1783 / А.Т. Мэхэн. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 634 с.

Поступила в редакцию 24.04.2008 г.